

Юридические явления в свете концепций самоорганизации

Автор: К. В. ШУНДИКОВ

Современное отечественное правоведение, развиваясь в условиях широкого распространения концептуальных идей постнеклассической научной парадигмы, не может оставаться индифферентным к общеметодологическим трансформациям, произошедшим в последние десятилетия в различных отраслях научного знания. Применительно к сфере научных исследований, связанной с познанием системных объектов, эти трансформации выразились в фокусировании интереса ученых на тех аспектах развития сложных систем, которые прежде находились на периферии, - нелинейности, неравновесности, нестабильности, непредсказуемости развития, диалектики порядка и хаоса, и др.

Результатом данного направления научных исследований стало формирование ряда концепций самоорганизации, а затем и обобщающей междисциплинарной исследовательской программы - синергетики, связанной с изучением явлений самоорганизации (возникновения стабильных структур) в сильно неравновесных системах [Концепции... 1994; Пригожий, Стенгерс, 2000]. Именно синергетическое видение объектов познания многие специалисты рассматривают как основу постнеклассической науки [Сапронов, 2001].

В этой связи весьма актуальным представляется предварительное "тестирование" синергетического метода и понятийного аппарата современной юриспруденции "на совместимость". Одним из первых шагов в решении данной задачи может стать рассмотрение объекта исследований через призму концепций самоорганизации, позволяющее пусть пока на предварительном, гипотетическом уровне обнаружить в нем "зоны" потенциального действия механизмов самоорганизации. Учитывая сложный структурный характер объекта юриспруденции, вполне закономерен аналитический подход к проблеме.

Одним из важнейших объектов научных исследований в правоведении традиционно является *позитивное право* как система официально установленных либо санкционированных государственной властью нормативных положений, выражающих некоторый баланс общественных и государственных интересов, формализованных в специальных официальных актах, логически взаимосвязанных друг с другом и способных к регулированию социальных отношений [Байтин, 2005]. Мало у кого из современных юристов вызовет возражение его системный характер [Киримова, 2002; Поленина, 1999]. Си-

Работа подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ и Федерального агентства по науке и инновациям (проект N 9561.2006.6).

Ш у н д и к о в Константин Валентинович - кандидат юридических наук, заведующий сектором правовой политики Саратовского филиала Института государства и права РАН.

стемность права - факт, достаточно очевидно проявляющийся прежде всего в его внутреннем строении, отражающем единство составляющих его норм, их тесную логическую взаимосвязь и одновременно дифференциацию их на отрасли, институты и подотрасли права [Байтин, Петров, 2003].

В научных исследованиях и дискуссиях, посвященных системе права, основное внимание было сосредоточено на критериях деления права на отрасли и институты, принципах построения системы права, выделения тех или иных ее элементов. Во многом это закономерно, учитывая прикладную, служебную роль рассматриваемой проблематики, ее тесную связь с практикой кодификационных работ, правильной систематизацией и распределением нормативного материала, требованиями юридической техники, практикой применения правовых норм и т.п.

В специальной литературе в качестве оснований построения системы права выделялись не только предмет и метод правового регулирования, но и его принципы и цели, сфера действия правовых норм, характер и юридическая природа правоотношений, регулирующие возможности норм [Мозолин, 2003]. В качестве системообразующих связей, придающих системе права единство, предлагалось рассматривать генетические связи, структурные, связи субординации, координации (взаимодействия), управления [Черданцев, 1974].

Однако, несмотря на внушительный объем научных публикаций по системе права, исследование данного предмета все еще имеет свои проблемные зоны и малоизученные аспекты. Один из них - характер непосредственных внутрисистемных связей юридических норм, институтов и отраслей права. В связи с этим представляется, что обоснование системного характера позитивного права - актуальная научная проблема. Данное обстоятельство несколько осложняет оценку "применимости" синергетического подхода к познанию системы правовых норм. Вместе с тем можно утверждать, что, несмотря на очевидные системные качества позитивного права, рассмотрение его через призму концепций самоорганизации вряд ли перспективно.

Систему позитивного права нельзя характеризовать как самоорганизующуюся, поскольку в ее структуре отсутствуют внутренние ресурсы развития. Все происходящие в рамках этой системы изменения абсолютно детерминированы внешним воздействием. Правовые нормы с точки зрения материального "субстрата" - текст, содержащий логически взаимосвязанные положения, формализующие волю субъектов правотворчества. Сами по себе нормы в отрыве от сознательной и целенаправленной практики их формирования и реализации не могут претерпевать никаких изменений, не способны развиваться, а следовательно, образуют закрытую, статичную систему.

В научной литературе данная позиция поддерживается некоторыми специалистами. В частности, А. Черданцев полагает, что в системе права имеется своеобразный механизм "саморегулирования", наличие которого обуславливает существование в ней связей управления, координации. Роль такого механизма, по его мнению, играют нормы о нормах - коллизионные, дефинитивные и оперативные. Вместе с тем Черданцев отмечает, что в данном случае можно говорить лишь о своеобразном, "частичном, неполном, не абсолютном" механизме саморегулирования, имея в виду определенную образность данного выражения [Черданцев, 1974]. Аналогичного взгляда придерживается и С. Алексеев. По его мнению, право не относится к разряду саморегулирующихся, самонастраивающихся систем. Оно постоянно приводится в соответствие с назревшими запросами общественной жизни, но такая "настройка" производится извне - в результате целенаправленной деятельности правотворческих органов. Само по себе право не способно перестраивать свое содержание [Алексеев, 1974, с. 17]. Более того, многие авторы саму систему права рассматривают как во многом субъективную по своей природе конструкцию, которая, будучи обусловленной экономическим строем общества, все же непосредственно "выстраивается" волей человека, выступает продуктом его сознательного творчества [Корнеев, 1963; Шейндлин, 1961; Шебанов, 1961].

Вышесказанное справедливо и по отношению к *системе законодательства* как целостной совокупности источников права, нормативных актов, сформированной с уче-

том отраслевого признака и без него [Бобылев, 1998]. В литературе встречается и более узкое понятие системы законодательства - как совокупности находящихся в соответствующей взаимосвязи нормативных актов [Поленина, 1999]. При этом общераспространенным является представление о том, что система права соотносится с системой законодательства как содержание и форма. Если первая отражает внутреннюю структуру правовой материи, соответствующую характеру регулируемых общественных отношений, то вторая выступает внешней формой права и отражает строение его источников, то есть нормативно-правовых актов. Системообразующие связи в системе законодательства являются как координационными, так и субординационными, поскольку данная система основана не только на горизонтальной (отраслевой), но и на вертикальной (иерархической) дифференциации нормативно-правовых актов [Общая... 2002, с. 399 - 400].

Вышеприведенные выводы справедливы в целом и для более широкой системной конструкции, обозначаемой понятием "источники" (форма права). Когда в научной литературе речь идет о форме права и источниках права, то имеют в виду чаще всего источники права в "специально юридическом значении" как средства и способы внутренней организации правовой материи и формах ее выражения вовне [Марченко, 2005, с. 51].

Помимо системы нормативно-правовых актов, понятие формы (источников) права охватывает такие способы существования правовых предписаний, как юридические прецеденты, правовые обычаи, нормативно-правовые договоры. Иногда в качестве особых форм права выделяют религиозные тексты [Сырых, 2002], а также юридическую науку (доктрину) [Бошно, 2003; Давыдова, 2004].

Таким образом, становится очевидным, что система источников (формы) права не может быть признана самоорганизующейся системой в строгом значении этого понятия. Несмотря на ее известную "подвижность", динамику, способность к адекватному "подстраиванию" к меняющимся условиям и задачам правового регулирования, она, по сути, остается абсолютно детерминированной внешними факторами, и прежде всего волей и деятельностью субъектов правотворчества, в отрыве от которых "жизнь" этой системы немислима.

Следовательно, все "динамические процессы", наблюдаемые исследователем в системе источников права, как, собственно, и в системе права, есть не что иное, как прямое следствие и отражение регулирующей деятельности государства и иных правотворческих субъектов. Сама система нормативных актов, договоров и прецедентов в их формализованной документальной форме выражает непосредственные результаты, зримые воплощения данных процессов. На языке синергетики они суть аттракторы, к которым направлено действие механизмов самоорганизации в тот или иной момент [Сапронов, 2001, с. 153].

Процессы самоорганизации и управления непосредственно протекают в системе отношений, которые в конечном счете приводят к формированию массива законодательства в государстве. Последнее же образует относительно самостоятельную систему, оказывающую информационно-регулятивное воздействие на систему практических юридически значимых отношений. В этом плане необходимо различать, например, договоры и прецеденты как формализованные письменные акты, с одной стороны, и как акты-действия, специфические правоотношения - с другой. В частности, договорные правоотношения, основанные на началах свободного волеизъявления, которые в конечном итоге приводят к появлению нормативного договора как источника позитивного права, - это область правовой жизни, где достаточно ярко выражены начала самоорганизации: процессы согласования законных интересов, кооперации и "однаправленного" действия многих субъектов [Иванов, 2000; Мясин, 2004; Тихомиров, 1990]. То же самое можно сказать и о прецедентных отношениях, сама природа которых связана с проявлениями свободного волеизъявления и усмотрения правоприменителя и, следовательно, предполагает потенциальную возможность развития синергетических эффектов [Богдановская, 1993; Гук, 2003; Судебная... 2000].

Исключение из вышеуказанных выводов следует сделать лишь для такой специфичной формы права, как правовой обычай, который, по сравнению с иными источниками права, отличается отсутствием у него абсолютной формальной определенности [Бошно, 2004]. Еще дореволюционные российские юристы отмечали: своеобразие данной

формы права заключается в том, что "содержание обычая не выражено в какой-либо точно определенной формуле; оно живет в сознании народа" [Хвостов, 1914, с. 86].

Правовой обычай по своей природе - не столько источник права в строгом смысле слова, сколько особый акт поведения субъектов в области правового регулирования. По сути, правовой обычай - своеобразный плод взаимодействия нормативно-правовых предписаний с неписаными обычаями и традициями поведения, сложившимися в обществе. "Для неписаного права, - отмечает С. Бошно, - очень важно, чтобы оно воплощалось в реальных поступках, чтобы пользование им было устойчивым навыком поведения, так как только благодаря этому обычай сохраняется, передается, функционирует в качестве формы права. Действие обычая не может пресекаться периодами бездействия, так как обычай забывается. Он действует как навык, привычка, сложившийся вариант поведения. Постоянная действительность позволяет предотвратить прекращение обычая" [Бошно, 2004, с. 49].

Правовой обычай как устойчивая форма волевого и практического отношения субъектов, имеющая юридические последствия, - важнейший элемент юридической практики, системы фактически сложившихся в том или ином обществе правовых отношений. Если мы говорим о правовом обычае не как о некоем абстрактном правиле (такой смысловой контекст данного понятия, безусловно, допустим), но как об устойчивой форме поведения, деятельности субъектов правоотношений, то следует признать за ним роль непосредственного элемента механизма правового саморегулирования, а также порядка в той или иной конкретной системе правоотношений.

Одним из комплексных, сложно организованных объектов научных исследований правоведов является *правовое сознание*. В отечественной правовой науке теория правосознания в ее формально-логических аспектах разработана достаточно основательно. Наиболее распространенное в юриспруденции понятие правосознания сформулировано известным теоретиком права И. Фарбером: "Правосознание есть форма общественного сознания, представляющая совокупность правовых взглядов и чувств, обладающих нормативным характером и включающих в себя как знания правовых явлений, так и их оценку с точки зрения классовой (или общенародной) справедливости, а также и новые правовые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития" [Фарбер, 1963, с. 204 - 205].

В работах более позднего периода феномен правосознания трактуется аналогичным образом. Так, Е. Лукашева определяет его как взгляды, представления, мысли, чувства, настроения, выражающие понимание необходимости установления и функционирования определенного правового порядка в обществе [Лукашева, 1973, с. 17]. В. Сапун понимает его как "совокупность правовых представлений, чувств, убеждений, оценок, выражающих субъективное отношение индивидов, социальных групп, общества в целом к действующему или желаемому праву, другим правовым явлениям, к поведению людей в сфере правового регулирования" [Сапун, 1984, с. 5]. Е. Назаренко полагает, что правосознание есть "специфическая форма общественного сознания. Оно есть совокупность взглядов, идей, теорий, представлений и чувств людей (коллективов, классов, общества) относительно права, действующего и желательного" [Назаренко, 1968, с. 5]. Так или иначе, общий специфический признак правосознания видится большинством ученых в соотношении в сознании определенных жизненных условий, потребностей, интересов с существующими или возможными юридическими правами и обязанностями.

В научной литературе по проблемам правосознания значительное внимание уделяется структурному анализу данного явления. При этом традиционный подход - раскрытие структуры правосознания через обоснование единства правовой идеологии (теоретического правосознания) и правовой психологии (эмпирического правосознания). "Социальная структура" правосознания предстает в виде общественного, группового и индивидуального правосознания. Отечественные правоведы довольно обстоятельно исследовали роль правосознания в правовом регулировании, его взаимосвязи с иными правовыми феноменами, особенности отдельных видов и уровней правосознания, а также конкретно-исторических особенностей правосознания отдельных социальных общ-

ностей. Вместе с тем, отмечая высокую степень формально-логической проработки вышеуказанных проблем, можно также подчеркнуть недостаточную, на мой взгляд, степень использования иных методологических ресурсов науки, в частности общей теории систем при познании данного феномена.

Думается, такая ситуация неоправданна, поскольку системный характер правосознания - объективная данность. Этот вывод справедлив и по отношению к индивидуальному правосознанию, в котором тесно переплетаются миллионами нитей закономерных взаимосвязей эмоции, чувства, знания, оценки, позиции, устремления, волевые установки и т.п. Не менее справедлив он и применительно к правосознанию коллективного, а тем более общесоциального, цивилизационного уровня, где системные связи имеют несколько иную природу и связаны с особенностями взаимодействия отдельных носителей правовой информации, опыта и деятельности.

В этой связи анализ правосознания как сложной развивающейся системы представляется перспективным направлением научных исследований. Особый интерес вызывают вопросы о том, возможно ли исследование данного феномена с использованием методологических установок концепций самоорганизации и присущи ли данной области эффекты синергетического характера?

Сугубо гипотетически, учитывая саму природу правосознания как системного субъективно-психологического феномена, на эти вопросы можно ответить положительно. Правовое сознание - объект, обладающий всеми основными характеристиками самоорганизующейся системы: открытостью, неравновесностью, нестабильностью, постоянной динамикой и пр. Где, как не в области индивидуального и коллективного человеческого разума, может протекать внутренняя самоорганизация?

Для юристов, в частности, чрезвычайно интересной и перспективной в научном плане представляется проблема соотношения в сознании субъектов рациональных и бессознательных элементов, оказывающих влияние на их поведение. Вместе с тем следует отметить и чрезвычайную сложность решения подобных эпистемологических задач. Изучение глубинной природы правосознания, его системных связей невозможно с опорой лишь на формальную логику. Здесь не обойтись без поиска и творческого использования новых методологических средств. Кроме того, изучение области правосознания юристами уже по определению вызывает скептицизм. Для них природа сознания человека слишком специфична и неуловима. Ведь отделение некоего "правового сегмента" от сознания вообще - чисто условный исследовательский прием, который огрубляет реальную природу объекта исследований. Сознание субъекта, как и общества в целом, - целостный феномен, где "юридические" чувства, знания, эмоции и т.п. теснейшим образом обусловлены иными неюридическими конструкциями, и все это вместе взятое детерминировано, в конечном счете, особенностями функционирования человеческого мозга и социальными условиями жизни.

Человеческие поступки, в том числе и имеющие правовую значимость, определяются в большинстве случаев не сугубо правовой психологией или правовой идеологией, а сознанием человека как целостным явлением, включающим также и феномены неправового характера. Поэтому для изучения реальных механизмов детерминации поведения человека в сфере правового регулирования важное значение имеет анализ сознания во всех его формах и проявлениях.

В свете сказанного сомнительными представляются попытки некоторых современных правоведов обосновать самодостаточный характер "правового мышления" как некоего специфического интеллектуального процесса понимания социально-правовой действительности. Объяснение юристами сложной системной организации правового сознания невозможно лишь на основе использования правового знания. Здесь не обойтись без междисциплинарного анализа. В частности, правосознание можно и необходимо изучать методами социологической науки. Подобный опыт уже имеется [Щегорцов, 1981]. Думается, в понимании этого феномена могут быть полезны методологические ресурсы политологии, психологии и иных наук. Важнее же всего соответствующая координация усилий.

Кроме того, в рамках юридической науки при исследовании самоорганизационных эффектов в правовом регулировании наиболее перспективным с методологических позиций представляется рассмотрение правосознания в неразрывном единстве с правовой практикой общества, с волевым юридически значимым поведением субъектов правовых отношений. Именно при таком подходе наиболее плодотворен анализ роли сознания как одного из важнейших факторов, непосредственно влияющих на развитие самоорганизации в области правовой жизни.

Собственно юридическое значение (как, впрочем, и практическое значение в целом) имеют не мысли, чувства и другие проявления сознания человека, а лишь его реальные действия. "Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, - писал К. Маркс, - я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом" [Маркс, Энгельс, с. 14 - 15]. Регулятивно-управленческие возможности сознания, в том числе и правового, также напрямую связаны с его "материально-практическим продолжением".

Рассматривая различные структурные части объекта правовой науки через призму синергетического подхода, нельзя не упомянуть о *фактическом юридически значимом поведении субъектов*. В теоретической юриспруденции проблему поведения некоторые специалисты связывали с другой фундаментальной научной проблемой - правоотношениями. В рамках этого подхода акты поведения субъектов рассматриваются в качестве непосредственного содержания правоотношения. Однако современная догма права построена преимущественно на видении фактического юридически значимого поведения как относительно самостоятельного правового явления, в том числе и по отношению к правовым отношениям как неким формам "волевых" юридических взаимосвязей субъектов.

В правоведении достаточно основательно проанализирован характер правового поведения (как правомерного, так и противоправного) [Кудрявцев, 1982], его взаимосвязи с иными компонентами правовой системы общества (например, с нормами права), структура психологического и поведенческого механизма, видовая характеристика. Само правовое поведение трактуется в специальной литературе как непосредственный результат действия норм права, ближайший показатель наличия и степени его эффективности. Так, В. Кудрявцев определяет правовое поведение как "социально значимое поведение индивидуальных или коллективных субъектов, подконтрольное их сознанию и воле, предусмотренное нормами права и влекущее юридические последствия" [Кудрявцев, 1982, с. 41]. В. Оксамытный полагает, что правомерное поведение личности - это "ее деятельность в сфере социально-правового регулирования, основанная на сознательном выполнении требований норм права, которое выражается в их соблюдении, исполнении и использовании" [Оксамытный, 1985, с. 24].

Правовая наука накопила определенный опыт системного анализа правового поведения. В частности, в уже упоминавшейся монографии Кудрявцева ставится проблема генезиса правомерного поступка, предпринята попытка раскрыть его "анатомию", показать его как своеобразный механизм, процесс, разворачивающийся в пространстве и времени и включающий не только сами внешние поступки, но и предшествующие им психологические явления и процессы. В качестве основных этапов генезиса правомерного поступка он предлагает рассматривать: формирование личности с определенной социальной ориентацией; формирование у субъекта конкретной мотивации, связанной с совершением правомерного поступка; планирование поступка и принятие решения о его осуществлении; реализация принятого решения, включая совершение действия и наступление последствий. Кроме того, автор считает возможным анализ структуры правомерного поведения по аналогии с противоправным поведением и выделяет в качестве его элементов: субъект, объект, субъективную и объективную стороны [Кудрявцев, 1982].

По моему мнению, наибольшие перспективы открываются для системного анализа коллективных форм правомерного поведения. Однако в современной юриспруденции доминирует взгляд на коллективное поведение как на поведение по сути одного (кол-

лективного) субъекта, коллектива, при этом поведенческие акты рассматриваются как нечто целостное, унифицированное, направленное к одной цели, и т.п.

Вместе с тем я полагаю, что коллективные формы поведения следует изучать также как результат многих взаимодействий. Именно этот пока малоисследованный аспект проблемы может потребовать использования методологического ресурса синергетического подхода. Учитывая, что именно в поведении людей, особенно в его коллективных формах, наиболее отчетливо проявляются моменты самоорганизационных начал, синергетические эффекты, применение синергетического подхода в его исследовании может иметь хорошие научные перспективы.

Одновременно следует отметить, что, ориентируясь на познание юридически значимого поведения в его традиционном для современной юриспруденции понимании как акта единоличного, невозможно раскрыть механизм самоорганизации в правовой сфере жизни общества. С точки зрения социальной психологии поведение - это деятельность личности, протекающая в обществе, любое поведение индивида в конечном итоге имеет социальное значение и в большинстве случаев представляет собой взаимодействие индивидуума с другими лицами [Яковлев, 1968, с. 50].

Учитывая сложившийся смысловой контекст понятия "правовое поведение" в юридической науке, для рассмотрения поведения как системы взаимодействий субъектов, очевидно, необходимо использовать иное научное понятие. В качестве подобных абстракций потенциально могут выступить, в частности, такие системные понятия теории права, как *"юридическая практика"* или *"юридическая деятельность"*.

Юридическую практику рассматривают в правоведении обычно как особый вид социальной практики, деятельность, охватывающую и процессы формирования правовых норм в обществе, и процессы их реализации в общественной жизни. "Юридическая практика - это деятельность субъектов права в процессе формирования и реализации норм права, заключающаяся в издании нормативных актов и в совершении различных индивидуальных правовых актов; деятельность, неразрывно связанная с движением правоотношений" [Реутов, 1990, с. 5]. При этом в объем понятия юридической практики не включаются те акты деятельности, которые не носят правового характера, в частности правонарушения.

Основное содержание юридической практики специалисты видят в "вынесении решений правового характера, в переводе социального содержания на язык юридических предписаний", который осуществляется в два этапа: "вначале вырабатываются юридические нормы, а затем последние используются как эффективное средство определения конкретных прав, обязанностей, ответственности, в соответствии с которыми осуществляется фактическое поведение, материальная деятельность (практика в собственном смысле слова)" [Леушин, 1990, с. 13].

В качестве же основных разновидностей юридической практики называют: правотворческую, правоисполнительную, правообеспечительную (правоохранительную); практику соблюдения и исполнения норм права, практику использования норм права, практику применения норм права; практику граждан и организаций, практику государственных органов: судебную, нотариальную, прокурорскую, арбитражную, административную и т.д. [Реутов, 1968, с. 6]. Нередко юридическую практику трактуют и более узко, сводя ее содержание к определенным выводам, некоему обобщенному опыту юридической деятельности (С. Алексеев, С. Вильнянский, А. Венгеров и др.).

Таким образом, понятие юридической практики, рассмотренное с учетом всех его противоречивых смысловых интерпретаций, сложившихся в современной теории права, - в целом, достаточно приемлемая научная абстракция, отражающая соответствующий макросистемный объект исследований с использованием синергетического подхода. В специальной литературе встречаются положения о том, что юридическая практика (деятельность) представляет собой сложную, высокоорганизованную, самоуправляющуюся, динамичную систему [Юридическая... 1989, с. 5].

Вместе с тем методологические основания синергетики (как, впрочем, и общеметодологические подходы вообще) требуют некоторой корректировки данной абстракции, в частности рассмотрения практики как диалектического единства противоречивых

форм волевой предметно-практической юридически значимой деятельности, деятельности правовой в строгом смысле этого слова и не строго юридической, но имеющей юридические последствия, а также явно противоправной и основанной на целеполагании, и нецелесообразной, и т.д.

Применение синергетического подхода возможно не только применительно к сугубо юридической по своему характеру и последствиям деятельности, но и в отношении познания более широкой реальности - *системы общественных отношений, находящихся в области правового регулирования, в "юридическом поле", то есть тех, которые лишь потенциально и нормативно носят правовой характер, имеют юридическую значимость*. Вследствие правовой регламентации этой системы отношений она представляет интерес не только для законодателя и правоприменителя, но и для ученых, занимающихся теоретической юриспруденцией, образует объект их научных исследований.

Причем следует понимать, что правовая регламентация этой системы отношений ни в коем случае не означает их фактической абсолютной урегулированности, строгого соответствия данной системы нормативно установленным моделям правоотношений. Правовая урегулированность еще не дает нам оснований понимать эту систему как систему правовых отношений в том значении термина "правоотношения", которое распространено, то есть как правомерный, соответствующий нормативной конструкции.

Дело в том, что помимо юридических норм данная система отношений подвержена воздействию множества иных факторов влияния, направляющих их развитие. Их совокупное действие приводит к установлению определенного порядка отношений, который не может абсолютно соответствовать нормативно установленному, всегда характеризуется некоторыми "отклонениями" той или иной степени от незначительных и юридически безразличных до носящих очевидно противоправный характер. Применение синергетического подхода к противоправным явлениям позволяет поставить многие важные проблемы, которые не возникают при анализе самоорганизации чисто "правовых" явлений. В частности, речь идет о проблеме познания реальных (а не упрощенных) механизмов влияния права на формирование порядка в общественных отношениях в ряду других факторов влияния.

Благодаря данному подходу можно по-новому взглянуть на диалектику правомерности и противоправности социальной практики, рассмотреть их в единстве и определенном противоречивом взаимодействии. Система урегулированных правом общественных отношений предстает как сложная и нестабильная, в которой параметру правомерной практики всегда противопоставлен параметр деятельности, связанной со злоупотреблениями и нарушениями закона. В подобном ракурсе совершенно по-иному видятся проблемы оптимизации управления и повышения эффективности правового регулирования.

Рассмотренные в настоящей статье проблемы позволяют прийти к выводу о том, что синергетический подход потенциально применим для познания специфических системных явлений, изучаемых правовой наукой, носящих характер открытых неустойчивых, нестабильных систем: правового сознания, правовых отношений, юридически значимого поведения. При этом для раскрытия сути самоорганизационных процессов в правовой сфере исследование отдельных юридических феноменов зачастую недостаточно.

Наиболее отчетливо синергетические эффекты обнаруживают себя "на макроуровне" - в системах более высокого порядка, включающих значительный объем правовых феноменов и процессов разной природы. Поэтому познание конкретных механизмов самоорганизации с использованием методологических ресурсов синергетики в правовой науке предполагает рассмотрение не только частных правовых явлений, но и их целостной совокупности, понимаемой как система отношений, находящихся в области правового регулирования.

Синергетический подход в правоведении может применяться для познания систем, состоящих как из актуально правовых феноменов (правоотношений, актов фактического правомерного поведения и т.п.), так и к системам, отличающимся "потенциально правовым характером". Полагаю, что именно такой многоплановый подход открывает наиболее широкие возможности для познания действия механизмов управления и самоорганизации в сфере юридической практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С. С.* Советское право как система: методологические принципы исследования // Советское государство и право. 1974. N 7.
- Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005.
- Байтин М. И., Петров Д. Е.* Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. 2003. N 1.
- Бобылев А. С.* Современное толкование системы права и системы законодательства // Государство и право. 1998. N 2.
- Богдановская И. Ю.* Прецедентное право. М., 1993.
- Бошно С. В.* Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. N 1.
- Бошно С. В.* Правовой обычай в контексте современного учения о формах права // Современное право. 2004. N 9.
- Гуж П. А.* Судебный прецедент как источник права. Пенза, 2003.
- Давыдова М. Л.* Источники современного российского права: тенденции развития формы и содержания // Новая правовая мысль. 2004. N 4.
- Иванов В.В.* Некоторые вопросы теории нормативного договора // Право и политика. 2000. N 4.
- Киримова Е. А.* О структурном составе системы российского права // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. N 2.
- Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М., 1994.
- Корнеев С. М.* Вопросы построения системы советского права // Правоведение. 1963. N1.
- Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
- Леушин В. И.* Юридическая практика в социалистическом обществе (гносеологический и специально-юридический аспект). Автореф. дисс. д.ю.н. Свердловск, 1990.
- Лукашева Е. А.* Социалистическое правосознание и законность. М., 1973.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1.
- Марченко М. Н.* Источники права. Учебное пособие. М., 2005.
- Мозолин В. П.* Система российского права (Доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. N 1.
- Мясин А.А.* Нормативный договор как источник права. Пенза, 2004.
- Назаренко Е. В.* Социалистическое правосознание и советское правотворчество. Киев, 1968.
- Общая теория государства и права. Академический курс. В 3 т. Т. 2. М., 2002.
- Оксамытный В. В.* Правомерное поведение личности. Киев, 1985.
- Поленина С. В.* Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. N 9.
- Пригожий И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2000.
- Реутов В. И.* Юридическая практика и развитие законодательства. Автореф. дисс. к.ю.н. Свердловск, 1968.
- Сапронов М. В.* Концепции самоорганизации в общественности: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // Общественные науки и современность. 2001. N 1.
- Сапун В. А.* Социалистическое правосознание и реализация советского права. Владивосток, 1984.
- Судебная практика как источник права. М., 2000.
- Сырых В. М.* Теория государства и права. Учебник. М., 2002.
- Тихомиров Ю. А.* Договор как регулятор общественных отношений // Правоведение. 1990. N 4.
- Фарбер И. Е.* Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.
- Хвостов В. М.* Общая теория права. М., 1914.
- Черданцев А. Ф.* Системообразующие связи права // Советское государство и право. 1974. N 8.
- Шебанов А. Ф.* Система советского социалистического права. М., 1961.
- Шейндлин Б. В.* Объективное и субъективное в праве // Правоведение. 1961. N 4.
- Щегорцов В. А.* Социология правосознания. М., 1981.
- Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. Ярославль, 1989.
- Яковлев А. М.* Социальная психология и противоправное поведение // Советское государство и право. 1968. N 7.